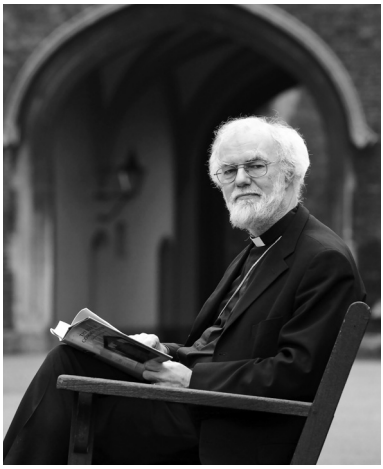

РОУЭН УИЛЬЯМС

БЕЗМОЛВИЕ И МЕДОВЫЕ ЛЕПЕШКИ. МУДРОСТЬ ПУСТЫНИ

Роуэн Уильямс

БЕЗМОЛВИЕ И МЕДОВЫЕ ЛЕПЕШКИ

Мудрость пустыни

Издательский дом «Познание»
Москва. 2021

УДК 271.791
ББК 86.37-3
У36

Роуэн Уильямс
У36 БЕЗМОЛВИЕ И МЕДОВЫЕ ЛЕПЕШКИ. МУДРОСТЬ ПУСТЫНИ. — М.: Издательский дом «Познание», 2021. — 176 с.: ил.

ISBN 978-5-906960-34-4

Книга знакомит читателя с христианскими подвижниками IV в., известными как «отцы-отшельники и матери-пустынницы», которые отправились в Египетскую пустыню, чтобы провести жизнь в аскезе и духовных размышлениях. Одним из плодов их духовного пути стало замечательное собрание высказываний и афоризмов, которые по-прежнему актуальны и для сегодняшних читателей. Отцы и матери пустыни заложили основы первохристианского монашества, и автор книги использует изучение их историй и высказываний в качестве отправной точки для своих собственных размышлений на такие темы, как взаимоотношения между людьми; познание самого себя; переоценка жизненных ценностей; молчание и важность слова; бесстрашие и самоограничение; жизнь и смерть.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

12+

УДК 271.791
ББК 86.37-3

ISBN 978-5-906960-34-4

© Уильямс Р., 2011
© Петрина Н. Н., перевод, 2021
© Издательский дом «Познание», оформление, 2021

ПОСВЯЩАЕТСЯ
БРАТУ ЭНЦО
ИЗ МОНАСТЫРЯ БОЗЕ

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 8

Предисловие 11

Глава 1. **Жизнь, смерть и ближние** 16

Глава 2. **Безмолвие и медовые лепешки** 48

Глава 3. **Бегство** 80

Глава 4. **Пребывание** 114

Глава 5. **Вопросы и ответы** 142

Библиография 170

ОТ РЕДАКЦИИ

Роуэн Уильямс, будущий архиепископ Кентерберийский, глава церкви Англии в 2002–2012 гг., родился в 1950 г. в семье, имеющей валлийские корни и исповедующей пресвитерианство. Он получил образование в Кембридже и Оксфорде, где защитил докторскую диссертацию, посвятив ее исследованию богословского наследия В. Н. Лосского. В духовном становлении Уильямса важную роль играла русская религиозная философия; на русский язык переведен один из его трудов, посвященный осмыслению богословских идей в творчестве Ф. М. Достоевского.

Предлагаемая русскому читателю работа посвящена истории древнего монашества и тому,

какое значение наследие отцов пустыни может иметь для современности. В основе книги лежит цикл лекций, прочитанных Роуэном Уильямсом в рамках семинара, посвященного памяти бенедиктинского монаха и священника Джона Мейна (1926–1982). Созданное в 1991 г. учениками Мейна «Международное общество христианской медитации» ставит одной из своих целей открыть современному обществу наследие древних отцов-пустынников, их опыт размышления и молитвы.

Вспомним, что в ходе Реформации XVI в. в Англии были полностью уничтожены монастыри и монашество. К середине XIX в. восходят первые попытки возродить аскетические общины, среди которых первыми были женские конгрегации «Община св. Марии Девы» и «Общество святой Маргариты», чуть позднее появляется мужское «Общество св. Евангелиста Иоанна». Однако смысл, делание и цели христианского монашества были по сути утрачены, одним из следствий этого и стали поиски духовности и мистического опыта в восточной традиции.

В своих беседах Роуэн Уильямс обращается именно к живоносным корням христианской монашеской традиции. Истории из патериков, древние апофтегмы, установления пустынножителей и труды отшельников для него не просто памятники древности, отошедшие в область

предания, но непревзойденные по высоте и силе слова, обращенные к современному человеку, теряющему связи со своим внутренним миром и Богом. Смысл жизни и смерти, пути понимания себя и ближнего, распознание реальности и иллюзии, страх тишины и красота безмолвия — к обсуждению этих тем призывает автор. Главные авторитеты для Уильямса — древние отцы-пустынники, но на страницах книги звучат и другие голоса: Серён Кьерхегор и Симона Вейль, Томас Элиот и Райнер Рильке, Шарль де Фуко и Эдит Штайн, Владимир Лосский и Христос Яннарас.

Беседы архиепископа Кентерберийского отличает живой язык, искренность и высокая эрудиция автора. Изложенные в древних патериках рассказы и поучения отцов–пустынников должны быть ближе и доступнее русскому православному читателю, чем его западному современнику. Роуэн Уильямс, открывая сокровища христианской традиции как бы извне, в то же время предлагает пути ее актуализации, призывает деятельно применять труды аскетов в условиях современной городской жизни. Надеемся, что этот призыв найдет отклик у читателя книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изречения и истории (Apophtegmata Patrum или апофтегмы), связанные с первыми поколениями христианских монахов и монахинь в Египетской пустыни, очевидно, пересказывались из уст в уста и собирались во время их жизни или вскоре после их упокоения. Но на создание сборников изречений ушло немало времени, и материал, которым мы располагаем сегодня, несет в себе признаки редактирования, в частности, содержит ряд вопросов, которые не были тогда актуальными, и т.д. Поколения монахов, которые наиболее широко представлены в самых древних сборниках изречений, жили между 350

и 450 гг., хотя наиболее влиятельной фигурой оставался св. Антоний Великий, деятельность которого приходилась на более ранний период, поскольку он почил в 356 г. в возрасте 105 лет.

Многие из тех, кого помнит традиция, жили во времена острого кризиса, с которым столкнулся мир египетского монашества. Ок. 400 г. богословские вопросы стали причиной раскола как среди египетских иноков, так в среде их друзей и сторонников, живших в других местах Римской империи. Затруднительно объективно говорить о подробностях этих споров по причине предвзятости многих свидетельств, но в целом речь шла о влиянии на богословие спекулятивных и философских идей, связанных с именем Оригена, великого александрийского дидаскала III в., который был выдающейся, но богословски небезупречной, фигурой. Особенную озабоченность вызывало его учение (или положения, которые вытекали из него), предполагавшее неверное отношение к человеческому телу, и, следовательно, к Боговоплощению Иисуса Христа. Следы этого конфликта можно обнаружить повсюду в сочинениях того времени. Так, патриарх Феофил, ярый противник приверженцев оригенизма, зачастую предстает в противоречивом свете. Он являлся инициатором изгнания из Египта нескольких выдающихся подвижников, которые позднее осели

в Палестине. Несомненно, они были в числе тех, кто сформировал традицию дошедших до нас изречений. В то же время наблюдается определенное равнодушие к такой фигуре, как Евагрий Понтийский, крупнейшему богослову среди оригенистов, который оказал огромное влияние на многих более поздних подвижников. Создается впечатление, что монашеская литература пытается пробраться через минное поле. Истории о поразительных физических проявлениях божественной благодати во время молитвы — к примеру, огонь, исходящий из поднятых рук монаха, славящего Бога в уединении, — может отражать стремление самоустраниться от вызывающего недоверие материального мира. Однако те же истории, заостряющие внимание на ежедневном тяжелом и неблагодарном труде, показывают, что не стоит придавать чрезмерное значение видимой драме жизни. Различные способы рассмотрения «помыслов» (технический термин, обозначающий рассеяние ума или даже навязчивую ментальную деятельность) зачастую указывают на близкое знакомство с лексиконом Евагрия и его учеников.

Можно было бы не ограничиваться поверхностными предположениями, а продолжить поиск таких явных признаков с учетом более сложного контекста, однако дело в том, что к тому времени, как были составлены самые ранние

сборники апофтегм в их нынешнем виде (вероятно, в первой половине V в.), они уже использовались в качестве основополагающих и логически последовательных руководств по аскезе и молитвенной жизни. Можно отметить очевидные различия в расстановке акцентов, и порой даже противоречия, однако очевидно, что они рассматривались как часть этой монашеской науки, которая не стремилась к созданию безжизненного единообразия. В дальнейшем я надеюсь показать со всей ясностью, что существовала здоровая готовность жить с многообразием точек зрения и уважать живое разнообразие монашеской науки. Именно поэтому традиция апофтегм всегда достаточно сложна, а иногда сбивает с толку, что и обеспечило ей выживание и многократное использование на протяжении веков.

Два самых ранних сборника (или патерика) на греческом языке — «Алфавитный» и «Анонимный» — являются источниками практически всего, что обсуждается в этой книге[1].

[1] Р. Уильямс приводит цитаты по двум английским переводам: *Ward B.* The sayings of the Desert Fathers: the Alphabetical Collection. (Cistercian Publications, 59). Kalamazoo (MI), 1975; Ward B. The wisdom of the Desert Fathers: the Apophthegmata Patrum (the anonymous series). Oxford, 1975.

Русские переводы Apophtegmata Patrum цитируются по нескольким изданиям: Алфавитный патерик, или Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Москва, 2009; Древний патерик, изложенный по главам. Москва, 2003; Великий патерик. По рукописи монастыря преподобного Саввы Освященного /

В первом содержатся истории, связанные с конкретными подвижниками, принадлежащими к первым монашеским поколениям; во втором изречения и истории группируются по темам, причем многие истории ассоциировались с именами нескольких подвижников, или напротив, передавались анонимно. Оба сборника были полностью переведены сестрой Бенедиктой Уорд в наиболее доступной форме. Мои переводы с греческого для этой книги, как вы увидите, во многом обязаны ей, хотя я не всегда использовал те же самые идиомы.

Пер. с греч. свт. Феофана Затворника. Москва, 2017; Святитель Игнатий (Брянчанинов). Отечник. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их / Полное собрание творений свт. Игнатия (Брянчанинова). Том VI. Москва, 2004. С. 3–494. Нумерация апофтегм дается по русским переводам. — *Примеч. ред.*

ГЛАВА 1
ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ И БЛИЖНИЕ

От ближнего зависит и жизнь, и смерть. Ибо если мы приобретем брата, то приобретем Бога, а если соблазняем брата, то грешим против Христа.

Мысль, которая очень четко прослеживается при чтении великих подвижников IV–V вв., заключается в том, что невозможно даже помыслить о созерцании, поучении в Боге или «духовном житии» в отрыве от реальной жизни в Теле Христовом, т.е. жизни в конкретной общине. Близость с Богом,